

Андрей
Сен-Сеньков

СТИХОТВОРЕНИЯ,
красивые
в профиль

Художественная серия

Андрей Сен-Сеньков

**Стихотворения, красивые
в профиль. Избранное**

«НЛО»

2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Сен-Сеньков А.

Стихотворения, красивые в профиль. Избранное / А. Сен-Сеньков — «НЛО», 2018 — (Художественная серия)

ISBN 978-5-4448-1016-3

Андрей Сен-Сеньков родился в 1968 году в Таджикистане. Окончил Ярославскую медицинскую академию, жил в Борисоглебске Воронежской области, с 2002 года в Москве. Работает врачом, специалист по УЗИ-диагностике. Первую книгу стихов «Деревце на склоне слезы» выпустил в 1995 году в серии «Библиотека молодой литературы» Союза молодых литераторов «Вавилон», за ней последовали одиннадцать книг стихов, малой прозы и визуальной поэзии, книга сказок для детей, восемь книг стихотворных переводов. Лауреат Тургеневского фестиваля малой прозы (2006), в 2006, 2008 и 2012 годах входил в короткий список Премии Андрея Белого. Стихи Сен-Сенькова переведены на 25 языков, книги избранных стихотворений выходили в США (премия американского ПЕН-клуба за лучшую переводную поэтическую книгу года), Сербии, Италии и Нидерландах.

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-1016-3

© Сен-Сеньков А., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Стихи и вещи	6
Книжка, а давай мы не будем тебя читать	9
Будапешт гуляет по берегу Дуная	10
Просто пациент, просто фотография старого человека	11
Eine kleine Nachtmusik	12
Пешком по небу Брюсселя	13
Маленький памятник Нильсу Абелю, поделенный на два	14
Пляж на орбите	15
Обычный поздний вечер московского человека, который не любит музыку	16
Экологические подростки	17
Чья-то мама слушает R. E. M	18
Бумажная грудь	19
Мы правильно сделали, что проиграли эту войну	20
Вермеер, свернутый несколько раз	21
Девять утра	22
Наверное, хорошо, что у них не бывает детей	23
Cross Road Blues	24
Любимый певец моей мамы	25
Цифровая Колумбия	26
Прогулка с карандашом	27
Каждый день хочется заблудиться	28
Из Подмосковья с любовью	29
Проездной слегка помялся в кармане	30
Легкое как атлетика	31
Какой красивый почерк	32
Шпионаж за капитализмом	33
Пей, бейби, пей	34
Его женщина опять мертва	35
Даже их надо обманывать, что любишь	36
Красивые крылья Карлсона	37
Затопленная костница	38
На ужин никто не придет	39
Инопланетяне	40
Разноцветное дзюдо подлости	41
Рентгеновский снимок дождя	42
Второе пришествие	43
Сломанный в Париже ноготь	44
Азия. Семидесятые. Жара	45
Новая Европа	46
Он никому не отдаст этот букет	47
Гематома в форме колеса паровоза	48
Футбольный полуфинал головного мозга	49
Ноль градусов будущего	50
Джудит Скотт трогала своими руками свои гены	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Сен-Сеньков
Стихотворения, красивые
в профиль. Избранное

© А. Сен-Сеньков, 2018

© А. Долин, предисловие, 2018

© Е. Павлов, послесловие, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

Стихи и вещи

Название «Стихотворения, красивые в профиль» кажется случайным, ничего не значащим. Но только тому, кто еще не открыл книгу.

Андрей Сен-Сеньков, наверное, единственный поэт, готовый придать названию текста большее значение, чем самому тексту. Собственно, иногда текста нет, только картинка под разросшимся названием. «Молния: престижное кладбище для карманных фонариков, особенно для тех, что бесплатно раздают во время рекламных акций», например. Разве нужно тут еще какое-то продолжение?

У текста нет, не должно быть третьего измерения. В профиль он обязан быть никаким, исчезнуть без следа. Но стихотворение – не просто текст. Оно никогда не равно себе, и чем меньше в нем знаков, тем больше на странице пробелов. Через них, если развернуть в профиль – оставить набор этих слов в голове после прочтения, не перелистывать сразу, – и проявляется новое измерение: другой, не написанный, невидимый образ. Об этом – и провокационное название первого текста в сборнике: «Книжка, а давай мы не будем тебя читать». Ее и не надо читать, ее надо смотреть. Будто картины Магритта, которые тоже теряют многое (возможно, важнейшее), если не читать подписи.

Вся поэзия Сен-Сенькова – об изменении ракурса, об умении увидеть невидимое, а плоскому придать объем.

* * *

«Красиво» у Сен-Сенькова то, что неожиданно, что застает врасплох. Сам он называет это «перефокусировкой взгляда». Ходячая печь Емели тут вдруг оказывается маленьким мальчиком; город Будапешт – человеком, который ночью голым идет по своей квартире; брови домиком превращаются в настоящий дом; могила старого художника становится листком бумаги, подложенным под ножку стула; автобус и троллейбус отбивают друг у друга маршрут; двенадцатизначное число обретает облик и разум.

Взгляд Сен-Сенькова сродни взгляду ребенка, одушевляющего окружающий мир. Или бога, можно пофантазировать в эту сторону. Но это бог безответственный, чьи путаные речи лишены пафоса и назидательности. Бог мелочей.

* * *

На самом деле Андрей Сен-Сеньков – практикующий врач. Об этом я узнал не сразу. Мы познакомились, когда я составлял книгу о кинематографе Джима Джармуша и искал поэтов, которые согласились бы написать туда стихотворение. Многие отказывались с негодованием или недоумением. Другие приняли вызов. Сен-Сеньков оказался единственным, у кого уже были стихи о Джармуше. Они будто ждали своей минуты и совпали с моим замыслом. К жизни книгу вызвал «Патерсон» – фильм Джармуша о поэте, водящем автобус. С тех пор я не могу отделаться от этой связи: Сен-Сеньков – Джармуш – Патерсон. Тем более, что один из невидимых героев фильма, существовавший в реальности американский поэт Уильям Карлос Уильямс, тоже был практикующим врачом.

«Мои врачебные слова» (не врачующие, заметьте) – говорит о себе Сен-Сеньков. Хороший врач обладает даром остранения по Шкловскому: он должен увидеть любое явление, болезнь, пациента будто впервые. Через стихи этот метод распространяется на весь мир. Больница, в свою очередь, становится таким миром – может быть, даже загробным, где есть свой

Данте и своя Беатриче. Как не вспомнить чудесное румынское кино о смерти и вознесении одного пенсионера – «Смерть господина Лазареску»; его героя тоже звали Данте, а врача – Вергилием. И все они – поэты.

* * *

В этих стихах очень много кинематографического. Большинство похоже на короткометражки – иногда документальные (наблюдения), иногда игровые (бывает, что остросюжетные): эти чаще всего почему-то напоминают картины Эдварда Хоппера, за которыми угадывается нерассказанный сюжет. Бывают и полнометражные, почти поэмы. Встречается анимация. Но воображаемая: экранизировать – ни-ни.

Неслучайные имена. От прибытия поезда братьев Люмьер до Фридриха Вильгельма Мурнау, от Кароль Буке с Джеймсом Бондом до Хичкока и от Линча до Кауризмьяки, а потом обратно в прошлое, к неизвестным русским комикам, нашим Чаплинам, которые сгинули, как не бывало.

И, конечно, монтаж, со времен Эйзенштейна – фетиш русского кинематографического сознания. Что превращает верлибр в поэзию, отделяет от прозы? Именно эта способность разрезать строку и через разрыв соединить образы, слова, смыслы, найти вместо рифмы иное созвучие.

* * *

Но монтаж – еще и ритм, а ритм объединяет стихи с музыкой. Сен-Сеньков чувствителен к мелодии, ладу, тону, звуку как таковому, словесные эквиваленты которого так трудно бывает подобрать; его стихи – «музыка маленького роста». Eine kleine Nachtmusik для него – то, без чего не существует если не вселенной, то ее выражения в стихах. Напротив, человек, решивший от музыки отказаться, – чужак, изгой, диковина: этому герою даже посвящен отдельный текст. Порой музыка – фон для событий или размышлений: как писали раньше в соцсетях, current music, как в «Чья-то мама слушает R. E. M.». Иногда что-то более личное: мама поэта слушает другое – Джо Дассена, и «у нее классный вкус». Ну, а поэт, меж тем, вместе с самим Сатаной слушает плеск воды, омывающей камушки на берегах Миссисипи, и вспоминает о блюзовом гении Роберте Джонсоне, по легенде продавшем душу Нечистому.

Поэзия Сен-Сенькова, по его определению, «трансгенный рок-н-ролл», в котором регулярность грохота и танца выродилась в едва слышные шорохи, в мышиную и мушиную возню: нужно по-особому напрячь слух, чтобы их не пропустить, чтобы почувствовать их ритм. Чет Бейкер или Джон Колтрейн, мутировавший в сторону экспериментального free-джаза, возникают там и сям на полях free-лирики. Но пока играет эта едва уловимая музыка, жизнь продолжает продолжаться («Ручки радиолы как руки Венеры Милосской»).

Что там – за границей молчания и небытия? Как Саша Дванов в платоновском «Чевенгуре», Сен-Сеньков хочет узнать секрет вечной тишины у рыб, привычных инопланетян в домашнем аквариуме. А где-то на дне самых пытливых ждет «затопленная костница».

* * *

Элвис Пресли в новой жизни стал белым мышонком. А Карлсон тихо стоит на крыше, осознавая, что никакого Малыша не было. Или тот умер. Папа с мамой и фрекен Бок думали, что Малыш придумал Карлсона, но все было иначе. Наоборот. Призрачный мир проявлен, реальность разогнана, как туман.

Эта инверсия – возможно, самое магическое, что есть в стихах Сен-Сенькова. Здесь не художник Пиросмани рисует зверей, а они – художника. Вместо девушки со спичечной фабрики откуда-то берется спичка с фабрики девушек. История распятого бога рассказана с точки зрения забитого в его крест гвоздя.

Поэт переворачивает театральный бинокль и видит, как сцена и человечки на ней уменьшаются, превращаются в крохотных забавных существ, которых можно уместить на ладони.

Устройство снежинки становится темой поэмы. Большой дом строится из одной пылинки. Падение и растворение в чае крупинки сахара превращается в целую драму. Из всей экскурсии в Париж запоминается только сломанный ноготь. Бесконечные паломники идут к самой маленькой скульптуре в России – питерскому Чижику-Пыжику, – чтобы отдать ему дань. А ведь чтобы его увидеть, надо наклониться над парашетом.

* * *

Чтобы читать стихи Сен-Сенькова, кажется, тоже надо наклонить голову или принять странную позу, в которой вещи и явления встанут под необычным углом – а тот способ, которым с нами говорит поэт, окажется единственно возможным. Но, быть может, обойдется без эквилибристики. Патерсон у Джармуша водил автобус, Сен-Сеньков живет в Москве и ездит с работы домой на метро, по оливковой Люблинской линии. Не исключено, что эта книга идеальна для подземного чтения: спуститься, сесть в поезд, включить в наушниках музыку, открыть книгу и прочитать единственную на весь сборник рифму:

В Люблино – влюблено.

Антон Долин

Книжка, а давай мы не будем тебя читать

герой русской сказки
едет на печи
давит по дороге
цветы с лицами третьекласниц
маленькие советские
автомобили
ямы ямки и ямочки

от этого печь постоянно
подскакивает

она маленький мальчик
который чтобы не заплакать
запрокидывает голову назад и
часто-часто моргает

Будапешт гуляет по берегу Дуная

ночью будапешт похож на
человека
вышедшего из душа
и идущего по коридору голым
в полной уверенности
что никого не встретит

будапешт идет мимо комнаты
где когда-то жила братислава

мы плохо с ним помним она
женщина город или кошка
помним только что

*всегда хотели купить ей шубку
но она в ней уже родилась*

и умерла

Просто пациент, просто фотография старого человека

печально удивляется моим
врачебным словам
делает брови «домиком»
седым
белоснежным
белым домиком
похожим на тот что ненавидят
в моей стране
он наверное тоже

мне хочется чтобы под крышей
домика
поселились какие-нибудь
добрые смешные существа
и прожили там оставшиеся ему
последние месяцы

на прощание он медленно
улыбается

и громко хлопает своей
маленькой дверью

Eine kleine Nachtmusik

внутри тишины
завязанное в узелок
сладкое сухожилие крика

узелок
маленький

как город
в котором на свадьбах и похоронах
играет
один и тот же оркестр

Пешком по небу Брюсселя

над *square de l'Aviation*
всегда два неба
как на одной из тех картинок
где видишь старую колдунью
но знаешь что есть и
молодая красавица
нужно просто
 перефокусировать взгляд

над *square de l'Aviation*
два маленьких неба
крутятся как пропеллеры
рубя
на пассажирские куски
тех стюардесс что летят мимо
 возраста
точно в аэрофлот

Маленький памятник Нильсу Абелю, поделенный на два

норвежский математик
пишет в письме матери
«одно из чисел разумно,
я говорил с ним!»
это число 10097531112.
оно похоже на лонгдринк своим
черным хвостиком привкуса.

если писать его охлажденным,
оно будет делить тебя только на
«да».

Пляж на орбите

до белок-стрелок сначала
отправляли кошек
кошки улетали но никогда не
возвращались
просто не хотели
просто не понимали зачем
выходили в открытый космос
и нанизывали на когти
сверкающие как мыши
в темноте звезды

выходили осторожно красиво
как ты
трогающая ногой воду
перед тем как войти в голое
море

Обычный поздний вечер московского человека, который не любит музыку

он находит на ладони
линию жизни
она ему не нравится
как и сама жизнь
стягивает ее пальцами
и тянет влево
потом вправо
потом кладет на нее
маленькие предметы
киндер-сюрпризы
замороженные ягодки
подрисовывает фломастером
веточки
всё не то
ничего не меняется
потом притягивает к линии
жизни
линию любви
и они
спутываются как проводки
наушников

Экологические подростки

девочка дождь и мальчик снег
играют в карты на раздевание
отчаянно поддаются друг другу
сбрасывают свитера из оксида
азота
дизайнерские майки из
аммиака и сернистого газа
брючки из солей тяжелых
металлов
нижнее белье из
фотооксидантов

впервые нагие
растерянные
дышат так часто
словно получили весь чистый
воздух одним файлом

Чья-то мама слушает Р. Е. М

розовому жуку,
посаженому в спичечный
коробок,
снится,
как постепенно исчезают
ненужные крылья.
испугавшись,
он пытается расцарапать
свою маленькую темноту.
просыпается.
и немного летит.

с двадцатой недели
беременности
у человеческого плода
фиксируется
фаза быстрого движения глаз.

значит, он начал видеть сны.

и немного летит.

Бумажная грудь

есть в каждой маленькой
книжке
такие две точки
они очень стыдные
торчат обычно из последней
страницы

они похожи вот на что
умирает кто-то из родственников
тебе все соболезнуют тебя все
обнимают
и ты чувствуешь прикосновение
сосков жены лучшего друга

Мы правильно сделали, что проиграли эту войну

наши короткие военнопленные
предложения
в прилагательных шинельках
пошатываясь проходят мимо

их спрячут подальше от
маленьких книг
как колющие и режущие
предметы

а из горла нашей книжной
полки достанут
еще не изобретенную бумагу
скатанную в шершавые шарики

Вермеер, свернутый несколько раз

в старой делфтской церкви
на могилу вермеера
из окна
падает свет
точно такой же
как на холстах мастера

люди подложили могилу
как листок серой бумаги
под ножку старого стола
старого стула
старого мира
чтобы они
не качались

Девять утра

он снова ее прощает
снова прощает ей всё
хочет целовать пальцы на ногах
медленно
один за другим
глубоко вдыхает и почти
 решается
стоп говорит себе
только досчитаю
до десяти

у нее нет одного мизинца

Наверное, хорошо, что у них не бывает детей

в час ночи
с балкона
смотрю на последний автобус
очень медленно и грустно
разворачивающийся
чтобы уехать туда
где можно спать сладко
стоя

начинается дождь
и на железной спинке автобуса
появляются
прыгающие серые прозрачные
точки
от прицелов двух снайперских
винтовок
троллейбуса
у которого увели
красивую приезжую маршрутку

Cross Road Blues

роберт джонсон
на пересечении шестьдесят
первой и сорок девятой
продает душу дьяволу
чтобы от звука его гитары
женщины увлажнялись
как камешки у берегов
миссисипи

долго торгуются
обязательные бумаги в двух
экземплярах
попсовая подпись кровью
дьяволу просто скучно со всеми
этими паганини
он развлекается и тянет время

потом возвращается в мотель
меланхолично сжигает бумаги
закуривает
наливает стаканчик бурбона
закрывает глаза
и слушает
как камешки у берегов
миссисипи
высыхают

Любимый певец моей мамы

вот семидесятые
вот мама с ее ужасным вкусом

вот год назад женщина роется
в кошельке
чтобы набрать сто рублей
и купить старый запиленный
плохо
ужасно
записанный советский винил

вот ты перечитываешь
стихотворение своего рижского
друга
про джо дассена
и его леопардовые плавки

вот он уже в твоём mp3 плеере

вот уже ты вообще ничего не
слушаешь
кроме джо дассена

вот греческий остров закинтос
идет дождь
ты сидишь под дождем на
пустом пляже
джо дассен
конечно джо дассен
в наушниках
черные проводки
текут по щекам вместе
с каплями дождя
как слезы

привет мама
ты никогда не читаешь мои
стихотворения
у тебя классный вкус

Цифровая Колумбия

защитник андрес эскобар
на чемпионате мира
в девяносто четвертом
в матче с американцами
забивает гол в свои ворота

сборная колумбии вылетает из
турнира

через десять дней
эскобара убивают в медельине

убийца из наркокартеля
стреляет в него шесть раз
каждый раз выкрикивая
гол! гол! гол! гол! гол! гол!

стихотворение это всегда
автогол
после которого в теле умирают
шесть сантиметров
шесть секунд
или шесть других
стихотворений

Прогулка с карандашом

Антанасу, Пальмире, Руте

вильнюсские церкви
это запястья
на которых рисуют крестики
чтобы вспомнить на следующее
утро
что-то важное

если бы рядом с крестиками
дождь рисовал нолики
с ним можно было поспорить
кто первым
прочертит молнию
на вырванном из записной
тучки
небе

Каждый день хочется заблудиться

Николе Маджирову

луна идет за потерявшимся
ребенком
уже давно
спотыкается
у нее совсем не осталось сил
она замерзает
ребенок оглядывается
вспоминает телевизор
рассказывал
лучший способ согреть
замерзающего
лечь с ним голым
нужен кожный контакт против
гипотермии

ребенок раздевается
вспоминает телевизор
рассказывал еще
дети опасайтесь незнакомцев
но все равно раздевается

обнимает луну

пусть каждый из вас решит для
себя
замерзнут они или замерзнут

Из Подмосковья с любовью

в пятидесятые лас-вегас
привлекал туристов
не только своими казино

в сотне километров
от игровой столицы америки
военные испытывали ядерное
оружие

люди сидели на балконах
в барах
лежали у бассейнов
наблюдая за бокалом сухого
мартини
как после взрывов
красиво вырастают ядерные
грибы
всевозможные подберезовики
подосиновики сыроежки
мухоморы поганки
шампиньоны лисички
размножаются спорами
о многом спорят
наступает дождливая
немного холодная
война

Проездной слегка помялся в кармане

каждое утро
мое маленькое метро
открывается медленно
словно флешка
которую упрямо много месяцев
неправильно вынимали из
компьютера

мегабайты вагончиков
еле-еле
пластмассово
туда
где у тебя всегда крошечные
файлы

Легкое как атлетика

стихотворение всех победило
всех обогнало

бумагу
карандаш
меня
пальцы

оно очень было

мы не смогли догнать

теперь его нет

но оно делает круг почета

Какой красивый почерк

человек-невидимка
через газету брачных
объявлений
находит ту самую

пишет ей

получает через неделю ответ

прозрачное письмо

догадывается
что там всего четыре слова

не хочу тебя видеть

Шпионаж за капитализмом

когда едешь в метро поздно
вечером
весь уничтоженный
двенадцатичасовой работой
тогда чтобы оправдать себя
перед своей женщиной
за эти заработанные как бы деньги
придумываешь что твоя
выкрашенная в оливковый цвет
люблинская линия
и есть та самая оливка в бокале
джеймса бонда
раздавленная дорогим
ботинком того
кто платит тебе зарплату
поэтому она такая вытянутая
на целых семь остановок
с нестерпимо проездной
косточкой внутри

Пей, бейби, пей

высокая
почти двухметровая
почти бодлеровская
великанша
волейболистка
после разгромного поражения
сидит одна
ночью
в номере отеля
открывает мини-бар
смотрит на маленькие
 алкогольные бутылочки
откручивает одну крышечку
потом вторую

две крышечки кажутся
теми двумя часами перед
 регистрацией
возможно последнего в жизни
 рейса
или
глазами
постепенно
привыкающими
к темноте

Его женщина опять мертва

в марте
находят подснежники
один
потом еще
и еще
много «подснежников»
замерзших зимой пьяных
и убитых человечков
их находят но никогда не
опознают

в подвале больницы
женщина
то что от нее осталось
беатриче наверное
самое обычное имя русских
девчонок
северной алкогольной
божественной комедии

заканчивающий смену данте
перечитывает подснежник
решает что пару лепестков
в нем
следует переписать
позже
когда поднимется на лифте
и примет душ в чистилище

Даже их надо обманывать, что любишь

по лежащему полицейскому
проезжают автомобили
вдавливая его позвоночник
в асфальт
ему обещали что работа есть
любовь
что будут любить
пока нет
никто из проехавших не
вернулся ни разу
никто не захотел проехать по
нему снова
любовь это же когда
возвращаются

он так и лежит
со временем забудет слово
любовь

у меня нет машины
но иногда я подхожу
наступаю на него
жду немного
и наступаю снова

Красивые крылья Карлсона

растолстевший икар
тяжело дыша подходит к краю
крыши
пропеллер уже не тот
похож на крошечный
беспольный вентилятор
да еще эта бесконечная
аллергия на птичий пух
а малыш
а малыш умер
а малыш больше не
придумывается
нужно все равно же немножко
куда-то назло лететь
вот только надо выпить
немного выпить
надо вспомнить
немного вспомнить
немного выпить
что слишком близко
к асфальтовому солнцу
приближаться
опасно
потом окажется
что у него был маленький но
успешный бизнес
семья
две собаки
и что нас в детстве наебали

Затопленная костница

в одних рыбах костей много
в других меньше

первые отращивают их
 специально
чтобы реже жить съеденными
вторые научились вытаскивать
 из себя кости
и оставлять их на дне
чтобы стать съеденными чаще

эти рыбы всегда мокрые
в противоположные стороны

На ужин никто не придет

если падает нож значит придет
мужчина
если падает ложка – женщина
чайная брюнетка
десертная блондинка
нелепо взмахивая ручкой
пытается за что-нибудь
зацепиться

падает

падшая женщина
серебряная фамильная самка
у которой положительный тест
на вилку

Инопланетяне

в детстве я знал
что аквариум придумали умные
рыбы

это линза через которую
им лучше видно людей и их
детей

проще изучать так
чем через морские волны
размывающие точность
наблюдений

прошло сорок лет
ученые рыбки по-прежнему
беззвучно умирают
уплывают по канализационным
трубам
с защитными в брюшках
результатами секретных
исследований

на родине их хоронят
с почестями

в соленой воде

Разноцветное дзюдо подлости

черного пояса в подлости не
бывает
лучший получает серый

держит его в руке
продевает между пальцев
и дергает
словно включает что-то белое
на перемотку

Рентгеновский снимок дождя

Алексею Сысоеву

сегодняшний дождь
будто написанное от руки
на кассете с демо-записью
имя начинающего музыканта

дождь никому не известен
никто не покупает на него
зонтики в первые ряды

потом он умирает
и заканчивается

от него остается
неизлечимо красивое
воспаление легкого

и тяжелого

Второе пришествие

человек с молотком
держит во рту гвоздики
один он случайно проглатывает

маленький умный гастроскоп
в шляпке
теперь всё увидит
удивится
и всё металлически точно
запомнит

когда станут вынимать из
желудка
вспомнит забытые легенды
о том что
когда-то мир принадлежал
гвоздям
и люди даже принесли им
однажды в жертву своего
бога

когда вернется к своим
и расскажет что на самом деле
внутри у человека
ему не поверят

обольют святой гвоздиковой
водой

и мы заржавеем

Сломанный в Париже ноготь

ноготь похож
на улыбку у которой нет губ

на вырезанный из твердого
облака
елисейскими ножницами
маникюрный мостик
с которого прыгают от счастья
вниз

и от несчастья тоже

вверх

Азия. Семидесятые. Жара

там внутри по кругу летают
желтые самолетики
спят еле различимые люди
когда проснутся
их не заставят разуваться
и снимать ремни
мамы разрешают незнакомцам
угощать детей куриными
конфетами
а у стюардесс в глазах
синие улыбки

ночью в холодильнике
яйца
белые уютно безопасные
как аэропорты в моем детстве

на сковородке

Новая Европа

маленькая француженкамышь
впервые приходит в мышеловку
туда где бесплатный сыр
гуляет осматривает
 достопримечательности
артефакты скульптуры
 и портреты предков
погибших за арриньи бель-де —
 шан канталь нёшатель
 и рокамадур
она сыр не любит если честно
да и как-то глупо его любить
 в двадцать первом веке
просто к понедельнику нужно
 написать сочинение по
 истории
а так лучше бы туда где живые
 друзья и пепси-кола
в которой дырочки
и у которой
сладкая плесень

Он никому не отдаст этот букет

к мужчине на свадьбе
случайно прилетает букет
неудачно брошенный невестой
он удивленно смотрит на белые
цветы
в их бледные лица
лица тонких выращенных
людей
с условно обозначенными
конечностями

вспоминает
таких он рисовал в детстве
на стенах подъезда жжеными
спичками

вспоминает
когда в дом попала бомба
оказалось что здесь жило очень
много одиноких рук
одиноких ног

тихо идет к выходу
прижимая к груди невесомо
целлофановую
инвалидную коляску

Гематома в форме колеса паровоза

никто не выбегал в ужасе
толкаясь
из зала
где братья люмьер
впервые показали
«прибытие поезда».

об этом известно всем
тем не менее
легенда продолжает жить.

на ее заднем плане
уже поселились ангелы.
у них как у людей
вместо крыльев
мягкие локти.

Футбольный полуфинал головного мозга

феликс видвальд глубокий
старик
когда-то играл за «вердер»
довольно успешно стоял
в воротах

в свои восемьдесят восемь
он уже многого не помнит
плюс у него скверный характер
бродя по городу герр видвальд
всем надоедает
тихо но настойчиво бормочет
продавцу цветов
тыча пальцем в круглую белую
хризантему
вам нельзя
не трогайте
к мячу прикасаться может
только
вратарь

никто его не слушает
от старика отмахиваются
и заворачивают хризантему
в сетчатую ткань
как видеоповтор белого
одиннадцатиметрового

Ноль градусов будущего

на улице ноль
никого ничего нет

при такой температуре
появляются женщины —
полицейские

потом дети-полицейские
постарше
и помладше

по ночам
они вешают снежинки как
кошек
на двухэтажной кровати
термометра

Джудит Скотт трогала своими руками свои гены

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.